

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2023.53.37.007

Современные подходы к изучению культуры российской Арктики

Черкашин Валентин Валентинович

Доцент кафедры информатики,
Арктический государственный институт культуры и искусств,
677000, Российская Федерация, Якутск, ул. Орджоникидзе, 4;
e-mail: c_valentin@mail.ru

Аннотация

Российская Арктика является регионом, развитие которого представляет важнейшее значение для экономики России, обеспечения безопасности страны, реализации ряда социально-культурных инициатив. Регион соединяет в себе качества сырьевого ресурса, нового пути для перемещения грузов, пространства развертывания вооружений, способных защитить Российскую Федерацию от угроз со стороны недоброжелателей. В то же время Российская Арктика является пространством функционирования уникальной культуры, изучение которой оказывается более эффективным вследствие использования новых культурологических подходов. Среди подходов к изучению культуры в данной статье анализируются цивилизационный, позволяющий рассматривать арктическую культуру как самостоятельную циркумполярную цивилизацию, подход *indigenous methodology* и подход к изучению культуры российской региональной арктической элиты через ее культурные интересы. В ходе анализа адекватности и эффективности отмеченных выше подходов к анализу культуры российской Арктики указываются на сильные стороны описываемых подходов и на их возможные недостатки. Так, среди сильных сторон цивилизационного подхода указывается на возможность понимания арктической культуры как самостоятельного явления и упускается роль понимания культуры российской Арктики со стороны ее национально-государственного аспекта. Подход *indigenous methodology* дает богатый материал для понимания функционирования культуры региона со стороны мировоззрения коренных жителей, однако недооценивает важность взгляда на культуру региона с позиции внешнего наблюдателя. Подход к изучению культурных интересов региональной элиты дает хорошее представление о принимающем решения социальном классе, однако оставляет в стороне культурный капитал региона в его массовой форме.

Для цитирования в научных исследованиях

Черкашин В.В. Современные подходы к изучению культуры российской Арктики // Культура и цивилизация. 2023. Том 13. № 3А-4А. С. 63-72. DOI: 10.34670/AR.2023.53.37.007

Ключевые слова

Культура Арктики, современные подходы к изучению культуры, актуальные подходы к изучению культуры российской Арктики.

Введение

Сегодня трудно определить сферу человеческой деятельности, которая бы не рассматривала Арктику как область своего применения. Так, Арктика выступает предметом интереса мировой экономики, поскольку 30% промышленных углеводородов, которые планируются к добыче в текущем столетии, залегают в арктическом регионе. Перемещение грузов Северным морским путем оказывается значительно рентабельнее, нежели существующие сегодня традиционные пути. Арктика представляет собою важнейший узел безопасности, поскольку подлетное время стратегических ракет, в случае конфликта Америки с одной из Европейских стран, здесь значительно меньше, нежели в случае использования европейской траектории.

Однако обладает ли Арктика спецификой в культурном отношении. Иными словами, можно ли характеризовать арктическую территорию как пространство бытования уникальной культуры и, если да, то что можно привести в качестве доказательства такого утверждения?

Среди множества доказательств обратимся к двум: артефакту сейдов и образу жизни и, соответственно, культуре коренных народов Арктики.

Доказательством специфической культуры Арктики является рукотворное происхождение сейдов. Для обоснования теории происхождения сейдов в результате человеческой деятельности принимаются такие аргументы как то, что сейды объединяются в группы и имеют идентичную структуру. Они создаются не только как инженерные, но и эстетические конструкции. Сейды, которые имеют двойную форму, т.е. камень устанавливается на камень, а сверху него кладется еще один камень. Сейды также устанавливаются узкой частью вниз. Верхняя часть сейда, как правило, имеет белый камень. Также ученые различают два типа сейдов: зооморфные и антропоморфные. Иными словами, сейды отражают как человеческое представление об окружающем мире, так и образ самого человека. Наконец сейды устанавливаются в геологических разломах, т.е. в местах сейсмической активности. Сложно констатировать, что причиной установки сейдов в таких районах является предупреждение сородичей об опасности, но такую информационную сторону происхождения сейдов нельзя исключить. Отсюда теория ледникового происхождения сейдов, т.е. возникновения сейдовых конструкций вследствие отступления и таяния ледника, не выдерживает критики, а значит сейды – артефакты уникальной арктической культуры.

Уникальным феноменом арктической культуры является образ жизни и культура коренных народов. Данное обстоятельство хорошо осознается на всех уровнях российской власти, что отражается в различных законодательных документах, в том числе в Указе Президента РФ о культурной политике. Коренным народам придается особый статус, который используется как в качестве признания уникальной культуры, так и сохранения образа жизни и улучшения социально-экономического положения носителей этой культуры. Например, давая преимущество коренным жителям в рыбной ловле, добыче пушнины над приезжими и вахтовиками, принимаемые на федеральном и региональном уровне законы способствуют не столько созданию экономических преимуществ коренному населению, сколько дают ему возможность поддержания традиционного образа жизни. Тем самым экономические инициативы выходят за пределы экономических отношений и начинают благоприятно сказываться на сохранении и развитии культуры. Вместе с тем для социально-экономического развития арктического региона приезжие и вахтовики оказываются не менее важными, нежели коренные жители. Поэтому не должно происходить ли игнорирование их экономических интересов. Следует отметить, что и в этой связи предпринимаются активные действия

федеральных и региональных органов власти. Например, создаются программы для переселенцев, в которых вновь приезжим предоставляются социально-экономические льготы. Есть программы, которые уравнивают в социально-экономическом статусе приезжих и коренных жителей, например, дальневосточный гектар. Отсюда, при выборе социально-экономического критерия необходимо в его основу ставить благополучие всех жителей региона. Вместе с тем сам социально-экономический критерий предполагает оценку деятельности в социально-экономических показателях, поэтому он может слабо учитывать социально-культурный критерий. На выбор критерия оказывает влияние не только приоритет, отдаваемый тем или иным сферам, на которые ориентируется правительство, но и общественно-экономическая формация, в условиях которой принимаются управленческие решения. Так при капитализме универсальным критерием оценки любого вида деятельности является капитал. Поэтому показателем эффективности любой внедряемой программы является осуществляемое в результате ее выполнения генерирование и увеличение капитала. Ожидать приоритета культурного критерия в эпоху доминирования экономического можно только в случае субъективного волевого решения, принимаемого властным субъектом, либо с наступлением такой формации, в которой культура будет субстанциальным элементом ее существования. Например, когда весь труд будет осуществляться машинами, а человек будет заниматься творческой деятельностью или не будет трудиться вообще [Джохадзе, 2014].

Основная часть

В целом Арктика представляет собой уникальный культурный феномен со стороны многообразия культур и географической среды своего существования. В современной культурологии ведутся дискуссии о подходах к анализу культуры Арктики. В основном они структурируются в связи с проблемой понимания Арктической культуры как своеобразного цивилизационного феномена, или феномена внутри той или иной цивилизации. Сторонники первого подхода говорят о наличии особой циркумполярной цивилизации. Сторонники второго вписывают Арктическую культуру в структуру Американской, Евразийской и т.д. цивилизаций. Внутри второго подхода предлагается еще и цивилизационное деление по государственному признаку, тогда цивилизационное деление Арктики идет по принципу вхождения в Америку, Норвегию, Россию и т.д., т.е. по принципу стран, имеющих свои владения в Арктике.

Культурология Арктики, базирующаяся на подходе, в основе которого лежит теория циркумполярной цивилизации, имеет широкое распространение, а потому нуждается в более детальном рассмотрении. Наиболее известными теориями циркумполярной цивилизации применительно к Арктике являются теории Ю.Ф. Лукина и У.Е. Винокуровой.

Ю.Ф. Лукин обосновывает свою теорию, обращаясь к таким терминам как перфоманс, мультинаучный подход, постмодернизм, а также талассократия и теллутократия. Ученый считает, что такая терминология является необходимой для понимания сущности циркумполярной цивилизации, поскольку последняя представляет собой уникальное явление в человеческой истории. Под перфомансом Ю.Ф. Лукин понимает соединение этнокультурного ландшафта и множества культур, которые в соединении с образом жизни и отношением северных этносов к окружающему миру составляют циркумполярную цивилизацию: «Перфоманс рассматривается здесь не как форма современного искусства, не как шоу, а в сочетании с этнокультурным ландшафтом Арктики и на его фоне как синтез множества культур, образ жизни северных этносов и качество отношений с окружающим миром, образующих

палитру яркого многоцветья, мультициркумполярную цивилизацию» [Лукин, 2011, С.57] Понятие мультинаучного подхода вводится Ю.Ф. Лукиным в целях исследования Арктики со стороны глобального и регионального измерения, а также для изучения «огромного периода от возникновения человека с современных дней» [Лукин, 2011, С.58]. Талассократия понимается ученым как сочетание моря и власти, а теллуократия как сухопутное могущество. Такая терминология выводит исследование культуры Арктики на уровень фундаментальности, апофеозом которой является мультициркумполярная цивилизация, видимо, как единственный подходящий объект для колоссальности исследования. Вместе с тем, методом, который избирается Ю.Ф. Лукиным для анализа циркумполярной цивилизации, выступает постмодернизм. Ученый, к сожалению, игнорирует понимание постмодернизма как невозможности «рационально обосновать смысл жизни, человеческого общества, морали» [Философия постмодернизма, www...], а также призыв постмодерна к жизни только настоящим, «в которой человек не может больше полагаться на проверенные координаты модерна» [Философия постмодернизма, www...]. Трудно определить как разрыв с рациональной традицией, свойственный постмодернизму, может способствовать введению в научный оборот понятия циркумполярной цивилизации, все-таки наука представляет собой рациональный тип познания.

Однако избираемая ученым методология постмодернизма безусловно подходит для разрыва исследователя с господствующими представлениями о мире и человеке, которое, видимо, и требуется для введения понятия циркумполярной цивилизации. Вот как об этом пишет сам ученый: «В сфере этнокультурных отношений постмодернизм как общее выражение мировоззрения постиндустриального или информационного общества отражает состояние духовности в наши дни, связанное с ощущением неприемлемости в новых социокультурных реалиях господствующих ранее представлений о мире и человеке. Постмодернизм характеризуется двумя основными чертами – распадом характерного для модерна единства и нарастанием плюрализма» [Лукин, 2011, С.60]. Плюрализм оказывается необходимым ученому для обоснования культуры циркумполярной цивилизации, которая разрывает с рациональностью соотнесения себя с государством, ставит человека в состояние неопределенности и поиска внегосударственной идентичности, удобно представляемой «глобальной солидарностью людей» в сочетании с их автономностью и отчуждением [Лукин, 2011, С.60]. Как видим, концепт циркумполярной цивилизации отражает, с одной стороны, разрыв с государством, с другой – автономизацию человека. Поэтому для тех, кто разделяет данный концепт и, тем более, кто участвует в его формировании, национальная культура и государственная идентификация являются препятствиями как теоретического, так и практического свойства. Иными словами, принадлежность к циркумполярной цивилизации и осмысление такой принадлежности требуют особой идентичности, которая не сводится к государственной или этнической. Такая идентичность может быть лишь пространственной. Отсюда ни государство, ни этнос, ни история не в состоянии выступить сущностными основаниями циркумполярного мышления, а лишь территория, где такое мышление формируется и действует. Теория циркумполярности, которую отстаивает Ю.Ф. Лукин, как раз и предлагает такое пространство: «Общий природный и культурный ландшафт Арктики определяется как многомерное большое физико-географическое, водно-территориальное, социально-экономическое, этническое, поликультурное, геополитическое пространство, примыкающее к Северному полюсу и включающее окраины материков Евразии и Северной Америки, почти весь Северный Ледовитый океан с островами, а также прилегающие части

Атлантического и Тихого океанов, восемь приарктических государств и их стратегии» [Лукин, 2011, С.60]. Однако пространство не может оставаться безликим, незаполненным. Уже одно упоминание о том, что на данном пространстве существует цивилизация, предполагает содержательное его определение. Это понимается и сторонниками циркумполярной цивилизации. Поэтому, несмотря на утверждение о непривязанности данной цивилизации к конкретному государству, циркумполярная цивилизация ни логически, ни исторически не оказывается абсолютно независимым от других цивилизаций явлением. Так, Ю.Ф. Лукин структурирует циркумполярную цивилизацию, включая в нее следующие цивилизации: «...1) евразийскую (славянскую, русскую, советскую, российскую); 2) североамериканскую, западноевропейскую, атлантическую; 3) первичную, застывшую циркумполярную цивилизацию коренных малочисленных народов Севера» [Лукин, 2011, 67]. Особенностью циркумполярной цивилизации в этнокультурном плане ученый считает не всегда явное и осознаваемое гражданами духовно-цивилизационное единство. Следовательно, циркумполярную цивилизацию можно охарактеризовать как арктический ландшафт, на пространстве которого находят не всегда осознаваемое единство североамериканцы с русскими, а коренные народы Севера находят такое единство и с первыми, и со вторыми. Причем это единство выражается в общем духовно-цивилизационном качестве. В таком понимании циркумполярная цивилизация является каким-то идеальным местом, где противоречия, имеющиеся между народами, сглаживаются. Причем сглаживаются противоречия не только современного свойства, как например, между русскими и американцами, но и исторические противоречия между развитыми (например, американская) и цивилизационно застывшими коренными малочисленными народами. Какие же факторы способствуют такому не просто мирному существованию разных цивилизаций, а их единению в одну циркумполярную цивилизацию? Такими факторами, по мнению еще одного сторонника циркумполярной цивилизации У.А. Винокуровой являются холод и удаленность от метрополий. Холод способствует единению в связи с тем, что все находятся в одинаково тяжелых условиях. Отдаленность от метрополий соединяет людей, потому что они отдалены от центров создания идеологий.

Специального рассмотрения в связи с изучением культуры российской Арктики заслуживает подход под названием *indigenous methodology*. Данный подход практикуется в зарубежной антропологии достаточно длительное время, однако его применение в российской науке о культуре датируется первой декадой двухтысячных годов. В это же время *indigenous methodology* рассматривается как новая парадигма изучения культуры и образа жизни коренных народов Арктики. Среди ученых, кто одним из первых применили рассматриваемый подход к изучению Арктики, были У.А. Винокурова и Ю.В. Яковец. Суть подхода состоит в том, что изучение коренных народов осуществлялось учеными, не являющимися представителями этих народов. Отсюда, какими бы интеллектуально насыщенными ни были бы методологии изучения коренных народов, все они являются внешними по отношению к ним. Коренные народы в таких исследованиях выступают не субъектами своей культуры и истории, а объектами научных исследований, целью которых является их подчинение и колонизация. Ученые, обращающиеся к *indigenous methodology*, преодолевают издержки предшествующей методологии как в целях своих исследований, которые направлены на деколонизацию и коренизацию, так и своей личностной и мировоззренческой установкой – они должны быть выходцами из народов, которые они изучают плюс носителями коренного мировоззрения: «*Indigenous Methodology* нацелена на обогащение науки мировоззрением и опытом коренных народов, интерпретацией

глубокого видения перспектив и интересов этих народов их собственными учеными (*indigenous scholars*) для обеспечения лучшего понимания и принятия автохтонов как субъектов истории, имеющих богатое культурное и интеллектуальное наследие и современный потенциал, а не как объектов науки, колонизации и постколониализма» [Винокурова, Яковец, 2016, 11]. Положительный потенциал *indigenous methodology* выглядит действительно революционным и в свете учения Куна вполне заслуживает того, чтобы быть истолкованным как парадигмальное изменение. И если по своему содержанию *indigenous methodology* действительно представляет собой образец того, что Кун называет структурным элементом научной революции, то по форме данный подход имеет аналоги в истории науки, например, в виде методологии, используемой в *women studies*. Представители *women studies* в продвижении данного подхода задействовали тот же цикл действий, который сегодня практикуется представителями *indigenous methodology*. Вначале *women studies* были внедрены в образовательный процесс в виде отдельных курсов, затем были сформированы программы обучения, которые на сегодняшний день дают возможность получения звания бакалавра, магистра и даже доктора в области женских наук (*women studies*). Характерно, что для преподавания дисциплин по программам *women studies* привлекались именно женщины. Обоснованием их привлечения было то обстоятельство, что они являлись носителями мировоззрения, противоположного маскулинному, а значит, могли противостоять его отрицательным общественным последствиям, приводящим к культурным стереотипам женской социально-экономической и культурной неполноценности по отношению к мужчинам. Не только преподавание, но и научно-исследовательская деятельность, а также работа по специальности отражали требование понимания проблемы угнетенного положения женщины изнутри, которое могло быть адекватным только в случае, если сам субъект угнетения мог оценить и бороться с его последствиями. Тем самым еще до *indigenous methodology* женские науки выразили требование инсайдерского подхода к изучению проблемы, который в дальнейшем был применен сторонниками коренной методологии (*indigenous methodology*) для своего контекста.

В связи с тем, что подход *indigenous methodology* только прокладывает себе путь в области изучения культуры Арктики, последствия его применения демонстрируют как свои сильные стороны, так и некоторые недостатки. Так, сторонники *indigenous methodology* У.А. Винокурова и Ю.В. Яковец, убедительно демонстрируя положительные результаты данного подхода не могут избежать двух взаимоисключающих выводов относительно описываемой в рамках коренной методологии траектории сохранения и развития образа жизни коренных народов. Суть первого состоит в том, что дальнейшее продолжение образа жизни коренных народов оказывается невозможным вследствие глобализационных, информационных и пространственных процессов. К такому заключению авторы приходят в связи с предлагаемым ими «вызовом открытости»: «Подходит к концу исторически длительный период закрытого режима жизнедеятельности этносов. Глобальное потепление, развитие информационного и технологического общества, поворот к ресурсам удаленных территорий открывают исконные места проживания этнических общностей воздействию модернизационных, постмодернизационных и глобальных процессов» [Винокурова, Яковец, 2016, 14]. Данный вывод усиливается еще одним вызовом, стоящим перед коренными народами – «вызовом судьбы». В данном вызове постулируется проблема сохранения этнической целостности, достоинства и самобытности коренных народов в условиях превосходящих по численности сообществ, где они вынуждены проживать. Однако, если «вызов судьбы» можно охарактеризовать как традиционный вызов, так как коренные народы проживают среди

превосходящих по численности сообществ достаточно длительное время, то глобализационный, информационный и пространственный (движение экономики к полюсам) процессы являются достаточно новыми. Можно согласиться с авторами в том, что коренные народы действительно испытывает на себе влияние последствий традиционных и новых процессов и вызовов и, что сохранение их образа жизни, ставится под вопрос, который должен быть адресован федеральным правительствам вследствие того, что негативные процессы выходят за локальные и региональные границы. Отсюда сформулированные авторами концепты об актуальных процессах и вызовах, должны быть использованы при разработке и корректировки федеральных программ помощи коренным народам. Однако последствия первого вывода сводятся на нет следствиями второго вывода. Суть его заключается в следующем. Те же процессы глобализации, информатизации производства, укрепления ноосферных ценностей экологической цивилизации ведут к тому, что образ жизни коренных народов адаптируется всеми жителями Земли и процесс этот имеет не просто локальные, региональные или национальные корни, а глобальные. В сущности, данный процесс имеет объективные основания поскольку для выживания человечества просто не существует иного пути: «Наступающая третья экологическая трансформация ведет к формированию сообществ ноосферных людей, стремящихся к созданию новой экономики биотехнологической эпохи, информационных, когнитивных биотехнологий, экологизации производства и образа жизни, укреплению ценностей экологической цивилизации. По сути, на новом историческом витке оказываются востребованными ценности экосистемных сообществ коренных народов» [Винокурова, Яковец, 2016, 19]. Нельзя отказать авторам в серьезных попытках анализа глобализационных процессов в их влиянии на образ жизни коренных народов. Вместе с тем нельзя не заметить в нем мировоззренческой неопределенности и методологической нечеткости. Так оказывается непонятным какой же из глобализационных процессов имеет под собой объективные основания, а какому можно и следует противостоять. Так, если объективным, т.е. не зависящим от сознания любого субъекта, является процесс ассимиляции коренных народов в такие социальные общности как нации вследствие окончания «исторически длительного периода закрытости жизнедеятельности этносов», тогда федеральные правительства (если они не хотят оказаться в роли субъектов, противостоящих ходу всемирной истории) как инструменты национальной политики должны, по нашему мнению, создавать условия, смягчающие культурную и социально-экономическую ассимиляцию коренных народов, но не препятствовать ей. Если же в образе жизни коренных народов видеть будущее всего человечества, тогда национальным правительствам следует сосредоточить все свои усилия на процессах децентрализации управляемых ими наций и структурирования их до уровня социальных образований с образом жизни, свойственным коренным народам. Когда же исследователи предлагают принять и то и другое, то в ситуации неопределенности оказываются не только читатели, но и управленцы, которые ждут от ученых помощи. Перед нами, однако, открываются не сколько недостатки научного анализа образа жизни коренных народов, предпринятые У.А.Винокуровой и Ю.В. Яковцом. сколько издержки применения ими подхода *indigenous methodology*. Помещая позицию исследователя внутрь анализируемой группы, данный подход не позволяет выйти в своем анализе за ее пределы и взглянуть на коренные народы со стороны. Будучи представителем коренного народа оказывается совершенно невозможным будущее, в котором данный народ прекращает свое существование в качестве независимого субъекта истории. Отсюда все процессы, в том числе и объективный ход истории оказываются трагическими и апокалиптическими, когда в них не находится места образу жизни, который осуществляется

народом сегодня.

Вместе с тем заслугой У.А. Винокуровой и Ю.В. Яковца является то обстоятельство, что им удалось применить методологию *indigenous studies* к изучению культуры народов Арктики и рассмотреть со стороны коренного мировоззрения такие важные основы циркумполярной цивилизации как природно-экологическая, демографическая, социокультурная, инновационно-технологическая и даже предложить сценарии будущего развития Арктики.

Следует остановиться на еще одном важном для понимания культуры Арктики проекте, который реализовывался в рамках государственного задания Министерства Высшего и среднего образования РФ Арктическим государственным институтом культуры и искусств (АГИКИ), руководителем которого был доктор философских наук Ю.В. Китов, и в котором автору данной статьи предоставилась возможность принять непосредственное участие [6]. Важность проекта состояла в подходе, реализованном Ю.В. Китовым, который предложил изучать культуру российской Арктики не путем анализа артефактов или процессов, а через ее субъектную составляющую, т.е. через культуру людей, проживающих в Арктике. Нельзя сказать, что субъектная составляющая не изучалась до данного исследования. Так в работах С.С. Игнатъевой обосновывается идея изучения человеческого капитала Арктики для понимания действующей в регионе культуры. Особенность проекта Ю.В. Китова состояла в изучении культурных интересов региональной элиты, т.е. социальной группы, ответственной за весь спектр многообразных процессов в регионе. Культурные интересы рассматривались как способ проникновения в культуру элиты, которая выступала не только предметом исследования сама по себе, но и в виде ее влияния на социально-экономические, общественные, информационные, художественно-проектные и иные процессы. Выполнение проекта помимо научных результатов предоставило богатый практический материал региональным управленцам для совершенствования деятельности как в отрасли культуры, так и экономики, социальной сферы и др. Тем самым культура выступила в качестве области деятельности, обуславливающей собой весь спектр человеческой деятельности в регионе.

Заключение

Таким образом в современной российской культурологии по отношению к анализу культуры Арктики применяются разнообразные подходы, свидетельствующие, с одной стороны о важности арктической проблематики в российской науке о культуре, с другой о развитии исследовательской базы самой культурологии. Среди наиболее интересных подходов к изучению культуры Арктики является понимание арктического региона как пространства особой циркумполярной цивилизации, подход реализующий *indigenous methodology* и подход к изучению культурного капитала российской Арктики со стороны культурных интересов такого важнейшего субъекта как элита. Каждый из подходов приводит к включению в российскую культурологию новых аспектов, связанных с пониманием культуры этого важного для развития страны российского региона.

Библиография

1. Арктическая циркумполярная цивилизация: Учебное издание / У.А. Винокурова, Ю.В. Яковец. — 2-е изд., доп. — Новосибирск: Наука, 2016. — 320 с.
2. Джохадзе И. *None faber* и будущее труда // Логос. 2014, №-6(45). -С.3-17.
3. Игнатъева Саргылана Семеновна Человеческий капитал Арктики как ресурс культурной модернизации //

-
- Вестник МГУКИ. 2015. №1 (63). – С.105-110.
4. Китов Ю.В., Гертнер С.Л. Культурная ответственность элит Якутии: аксиологический аспект // Вестник МГУКИ. – 2018, №1. – С.90-101.
  5. Лукин Ю. Ф. Перфоманс этнокультурного ландшафта Арктики в глобальном и региональном измерениях // Арктика и Север.2011. №1 (февраль). – С.57.
  6. Научно-исследовательский проект №35.10127.2017/НМ «Художественно-проектная, информационная и субъектная составляющие современной культуры российской Арктики». Министерства образования и науки Российской Федерации. Научный руководитель Китов Ю.В.
  7. Философия постмодернизма [Электронный ресурс]
  8. Винокурова У. А. Российская научная школа арктической циркумполярной цивилизации // Экономика Востока России. – 2015. – №. 1. – С. 111-119.
  9. Винокурова У. А., Яковец Ю. В. Арктическая циркумполярная цивилизация //Международный журнал экспериментального образования. – 2016. – №. 12-1. – С. 76.
  10. Штыров В. А. Арктика. Величие проекта //Наш современник. – 2018. – №. 4. – С. 123.

Modern approaches to the study of the culture of the Russian Arctic

Valentin V. Cherkashin

Associate Professor,
Department of Informatics,
Arctic State Institute of Culture and Arts,
677000, 4, Ordzhonikidze str., Yakutsk, Russian Federation;
e-mail: c_valentin@mail.ru

Abstract

The Russian Arctic is a region whose development is of paramount importance for the Russian economy, ensuring the country's security, and implementing a number of social and cultural initiatives. The region combines the qualities of a raw material resource, a new route for the movement of goods, a space for the deployment of weapons capable of protecting the Russian Federation from threats from ill-wishers. At the same time, the Russian Arctic is a space for the functioning of a unique culture, the study of which is more effective due to the use of new cultural approaches. Among the approaches to the study of culture, this article analyzes the civilizational one, which allows us to consider the Arctic culture as an independent circumpolar civilization, the indigenous methodology approach and the approach to studying the culture of the Russian regional Arctic elite through its cultural interests. In the course of the analysis of the adequacy and effectiveness of the above approaches to the study of the culture of the Russian Arctic, the strengths of the described approaches and their possible shortcomings are indicated. Thus, the strength of the civilizational approach is based on possibility of understanding the Arctic culture as an independent phenomenon. Though civilizational approach underestimates the culture of the Russian Arctic as a national-state phenomenon. The indigenous methodology approach provides rich material for understanding the functioning of the culture of the region from the perspective of the indigenous people but underestimates the importance of looking at the culture of the region from the position of an external observer. The approach to the study of the cultural interests of the regional elite gives a good idea of the decision-making social class but leaves aside the cultural capital of the region in its mass form.

For citation

Cherkashin V.V. (2023) Sovremennye podkhody k izucheniyu kul'tury rossiiskoi Arktiki [Modern approaches to the study of the culture of the Russian Arctic]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 13 (3A-4A), pp. 63-72. DOI: 10.34670/AR.2023.53.37.007

Keywords

Culture of the Arctic, modern approaches to the study of culture, current approaches to the study of the culture of the Russian Arctic

References

1. Arctic Circumpolar Civilization: Educational Edition / U.A. Vinokurova, Yu.V. Yakovets. - 2nd ed., add. - Novosibirsk: Nauka, 2016. - 320 p.
2. Jokhadze I. Home faber and the future of labor // *Logos*. 2014, No.-6(45). -S.3-17.
3. Ignatieva Sargylana Semyonovna Human capital of the Arctic as a resource for cultural modernization // *Vestnik MGUKI*. 2015. No. 1 (63). - P.105-110.
4. Kitov Yu.V., Gertner S.L. Cultural responsibility of the elites of Yakutia: an axiological aspect // *Vestnik MGUKI*. - 2018, No. 1. - P.90-101.
5. Lukin Yu.F. Performance of the ethnocultural landscape of the Arctic in the global and regional dimensions // *Arctic and North*.2011. No. 1 (February). - P.57.
6. Research project No. 35.10127.2017/NM "Artistic and design, informational and subjective components of the modern culture of the Russian Arctic". Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Scientific adviser Kitov Yu.V.
7. Philosophy of postmodernism [Electronic resource]
8. Vinokurova U.A. Russian scientific school of the Arctic circumpolar civilization // *Economics of the East of Russia*. – 2015. – no. 1. - S. 111-119.
9. Vinokurova U. A., Yakovets Yu. V. Arctic circumpolar civilization // *International Journal of Experimental Education*. – 2016. – no. 12-1. - S. 76.
10. Shtyrov V.A. Arctic. The greatness of the project // *Our contemporary*. – 2018. – no. 4. - S. 123.